

Кофанов Л.Л.

Юридикo-религиозный характер римской fides в V-III вв. до н.э.: к интерпретации Полибия (VI. 56. 6-15)

[Stable URL: <http://elar.uniylar.ac.ru/jspui/handle/123456789/3204>]

[Публикация работы:]

Кофанов Л.Л. 2002: Юридикo-религиозный характер римской fides в V-III вв. до н.э.: к интерпретации Полибия (VI. 56. 6-15) // IVS ANTIQVVM. Древнее право. 2 (10), 63-72.

НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ
ЦЕНТР АНТИКОВЕДЕНИЯ

ИМ. П.Г. ДЕМИДОВА
ЯРОСЛАВЛЬ, РОССИЯ

THE SCIENTIFIC & EDUCATIONAL
CENTRE FOR CLASSICAL STUDIES
AT YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY
YAROSLAVL, RUSSIA

DAS WISSENSCHAFTLICHEN FORSCHUNGS- UND
STUDIENZENTRUM FÜR DIE GESCHICHTE,
KULTUR UND RECHT DER ANTIKE
DER STAATLICHEN DEMIDOW-UNIVERSITÄT YAROSLAWL
YAROSLAWL, RUSSLAND

РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ АНТИКОВЕДОВ
RUSSIAN SOCIETY OF CLASSICAL STUDIES

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ФОНД
«ЦЕНТР ИЗУЧЕНИЯ РИМСКОГО ПРАВА»
ЯРОСЛАВСКИЙ ФИЛИАЛ
THE RESEARCH AND EDUCATIONAL FOUNDATION
“THE CENTRE FOR ROMAN LAW STUDIES”
YAROSLAVL BRANCH

ЯРОСЛАВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. П.Г. ДЕМИДОВА
YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY

Л. Л. КОФАНОВ*

**ЮРИДИКО-РЕЛИГИОЗНЫЙ
ХАРАКТЕР РИМСКОЙ FIDES
В V–III ВВ. ДО Н. Э.: К ИНТЕРПРЕТАЦИИ
ПОЛИБИЯ (VI. 56. 6–15)**

Известный историк II в. до н. э. Полибий, рассказывая об особенностях римского государственного устройства, позволивших Риму стать сильнейшей державой во всем Средиземноморье, особо останавливается на таком религиозном, по его мнению, институте, как римская *fides*. Ввиду важности этого текста приведем его полностью:

Polyb. VI. 56. 6–15: Однако важнейшее преимущество римского государства состоит, как мне кажется, в воззрениях римлян на богов. (7) То самое, что осуждается у всех других народов, именно богобоязнь, у римлян составляет основу государства. (8) И в самом деле, она у них облекается в столь грозные формы и в такой мере проходит в частную и государственную жизнь, что невозможно идти дальше в этом отношении. (9) Многие могут находить такое поведение нелепым, а я думаю, что римляне имели в виду толпу. Правда, будь возможно организовать государство из мудрецов, конечно, не было бы нужды в подобном образе действий; (11) но так как всякая толпа легкомысленна и неисполнена нечестивых вожделений, неразумных стремлений, духа насилия, то только и остается обуздывать ее таинственными ужасами и грозными зрелищами. (12) Поэтому мне кажется, что древние намеренно и с расчетом внушали толпе такого рода понятия о богах, о преисподней, напротив, нынешнее поколение, отвергая эти понятия, действует слепо и безрассудно. (13) Поэтому-то у эллинов, не говоря уже о прочем, люди, ведающие общественным достоянием, не способны исполнить данное обязательство даже в том случае, если им доверяется один талант, и хотя бы при этом было 10 поручителей, наложено было столько же печатей и присутствовало вдвое больше свидетелей. (14) Напротив, у римлян обязательство достаточно обеспечивается верностью клятве, хотя бы магистраты и послы имели в своем распоряжении большие суммы. (15) Потом, если у прочих народов редки честные люди, для которых общественное достояние неприкосновенно, то у римлян, наоборот, редки случаи изобличения в хищении¹.

* Кофанов Леонид Львович – кандидат исторических наук, доктор юридических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, Отдела античной истории, председатель Центра изучения римского права. Статья написана на основе доклада, сделанного автором на международной конференции «Роль этического долга чести в историческом и современном юридическом опыте». Падуя – Венеция – Тревизо, 14–16 июня 2001 г., и подготовлена в рамках научного гранта РФФИ № 99-06-80042.

¹ Перевод Ф. Г. Мищенко. *Polyb. VI. 56. 6–15:* Μεγίστην δέ μοι δοκεῖ διαφορὰν ἔχειν τὸ Ῥωμαίων πολιτεῖμα πρὸς βέλτιον ἐν τῇ περὶ θεῶν διαλήψει. καὶ μοι δοκεῖ τὸ παρὰ τοῖς ἄλλοις ἀνθρώποις ὀνειδίζομενον, τοῦτο συνέχειν τὰ Ῥωμαίων πράγματα, λέγω δὲ τὴν δεισιδαιμονίαν· ἐπὶ τοσούτον γὰρ ἐκτετραγώδηται καὶ παρεισῆκται τοῦτο τὸ μέρος παρ' αὐτοῖς εἰς τε τοὺς κατ' ἰδίαν βίους καὶ τὰ κοινὰ τῆς πόλεως ὥστε μὴ καταλιπεῖν ὑπερβολήν. ὃ καὶ δόξειεν ἂν πολλοῖς εἶναι θαυμάσιον. ἐμοὶ γε μὴ δοκοῦσι τοῦ πλήθους χάριν τοῦτο πεποιθέναι. εἰ μὲν γὰρ ἦν σοφῶν ἀνδρῶν πολιτεῖμα συναγαγεῖν, ἴσως οὐδὲν ἦν ἀναγκαῖος ὁ τοιοῦτος τρόπος· ἐπεὶ δὲ πᾶν πλῆθος ἐστὶν ἐλαφρὸν καὶ πλήρες ἐπιθυμιῶν παρανόμων, ὀργῆς ἀλόγου, θυμοῦ βιαίου, λείπεται τοῖς ἀδήλοις φόβοις καὶ τῇ τοιαύτῃ τραγῳδίᾳ τὰ πλήθη συνέχειν. διόπερ οἱ παλαιοὶ δοκοῦσί μοι τὰς περὶ θεῶν ἐννοίας καὶ τὰς ὑπὲρ τῶν ἐν ἄδου διαλήψεις οὐκ εἰκῇ καὶ ὡς ἔτυχεν εἰς τὰ πλήθη παρειαγαγεῖν, πολὺ δὲ μᾶλλον οἱ νῦν εἰκῇ καὶ ἀλόγως ἐκβάλλειν αὐτά. τοιγαροῦν χωρὶς τῶν ἄλλων οἱ τὰ κοινὰ χειρίζοντες παρὰ μὲν τοῖς Ἕλλησιν,

Итак, Полибий отмечает, что мощной основой римской государственности является именно чрезвычайная набожность, религиозность римлян, которой пронизаны буквально все их государственно-правовые институты. В качестве примера он приводит роль сакральной клятвы государственных должностных лиц *πίστις κατὰ τὸν ὅρκον* (дословно: «верность клятве»), что в латинском эквиваленте соответствует понятию *iusiurandum fidei*². Полибий отмечает, что если у греков и прочих народов никакое количество поручителей, печатей и свидетелей не удерживает государственных мужей от хищения государственных средств, то римлянам достаточно лишь клятвы верности, чтобы всякое обязательство магистрата было исполнено, а любая казна оставалась в сохранности.

Удивительно, что многие греки (*Dionys.* II. 75. 4; *Plut.* Numa. 16. 1) отмечали, что институт доверия клятве сохранял жизненную силу и действенность у римлян на протяжении многих веков и этический долг чести оставался самым надежным инструментом регулирования как частных, так и государственных отношений. Возникновение сакрально-правового института римской *fides* традиция относит еще к концу VIII в. до н. э. (*Dionys.* II. 75; *Liv.* I. 21), причем Ливий подчеркивает, что «верность и клятва... стали управлять государством»³. О римской *fides* архаического периода написано достаточно, однако основной и наиболее важной остается книга итальянского юриста Л. Ломбарди⁴. Также достаточно подробно архаическая *fides* описана другим итальянским исследователем – Р. Фьори⁵. Полную историографию о римской *fides* можно найти в статье Л. Фашионе⁶.

Здесь необходимо вспомнить некоторые специфически римские определения *fides*. Так, Цицерон пишет, что *fides* является основой юстиции, и понимает ее как «истинность и незыблемость слов и договоров», так как *fides* так названа оттого, что «сказанное делается»⁷. В другом месте Цицерон обращает внимание на то, что *fides* называется именно та часть римской юстиции, которая связана с почитанием богов⁸. Наконец, с юстицией и *fides* Цицерон тесно связывает клятву *iusiurandum*, подчеркивая, что последняя является «религиозным утверждением». По словам Цицерона, всякое нарушение клятвы есть нарушение *fides*⁹. Итак,

ἐὰν ταλάντου μόνον πιστευθῶσιν, ἀντιγραφεῖς ἔχοντες δέκα καὶ σφραγίδας τοσαύτας καὶ μάρτυρας διπλασίους οὐ δύνανται τηρεῖν τὴν πίστιν· παρὰ δὲ Ῥωμαίοις κατὰ τε τὰς ἀρχὰς καὶ πρεσβείας πολὺ τι πλῆθος χρημάτων χειρίζοντες δι' αὐτῆς τῆς κατὰ τὸν ὅρκον πίστεως προὔσι τὸ καθήκον. καὶ παρὰ μὲν τοῖς ἄλλοις σπάνιόν ἐστιν εὐρεῖν ἀπεχόμενον ἄνδρα τῶν δημοσίων καὶ καθαρεύοντα περὶ ταῦτα· παρὰ δὲ τοῖς Ῥωμαίοις σπάνιόν ἐστι τὸ λαβεῖν τινα πεφωραμένον ἐπὶ τοιαύτῃ πράξει. [*Cod. Urb. habet haec* (v. p. 264, 17. 293, 5) *cum antecedentibus arcte cohaerentia* (exc. ant. p. 188)] Комментарий к этому отрывку Полибия см.: *Walbank F. W. A Historical Commentary on Polybius. Oxford, 1967. Vol. I. P. 741 ff.*

² О соответствии этих двух терминов см.: *Char. Gramm.* I. 40. 6; I. 69. 18. О их различии см.: *Polyb.* XX. 9. 11; а также книгу С. Калдероне: *Calderone S. Πίστις – Fides. Ricerche di storia e di diritto internazionale nell' antichità. Messina, 1964.*

³ *Liv.* I. 21. 1: *ea pietate omnium pectora imbuerat, ut fides ac ius iurandum proximo legum ac poenarum metu civitatem regerent.* (... Нума наполнил сердца всех таким благочестием, что верность и клятва благодаря непосредственному страху перед законами и наказанием стали управлять государством.)

⁴ *Lombardi L. Dalla fides alla bona fides. Milano, 1961. P. 90–131.*

⁵ *Fiori R. Homo sacer: Dinamica politico-costituzionale di una sanzione giuridico-religiosa. Napoli, 1996. P. 148–156; 245–291; 314–318.*

⁶ *Fascione L. Cenni bibliografici sulla bona fides // Studi sulla buona fede. Milano, 1975. P. 51 ss.*

⁷ *Cic. De off. I. 23: Fundamentum autem est iustitiae fides, id est dictorum conventorumque constantia et veritas. Ex quo, quamquam hoc videbitur fortasse cuiuspiam durius, tamen audeamus imitari Stoicos, qui studiose exquirunt, unde verba sint ducta, credamusque, quia fiat, quod dictum est appellatam fidem.* (Основой же юстиции является верность, то есть истинность и незыблемость слов и договоров. Итак, хотя это кое-кому, быть может, покажется несколько трудным, все же решимся подражать стоикам, которые настойчиво выясняли происхождение слов, и поверим, что *fides* (верность) так называется потому, что сказанное делается.)

⁸ *Cic. De partit. 78: In communione autem quae posita pars est, iustitia dicitur, eaque erga deos religio... creditis in rebus fides... nominatur.*

⁹ *Cic. De off. III. 104: Est enim ius iurandum affirmatio religiosa; quod autem affirmate, quasi deo teste promiseris, id tenendum est. Iam enim non ad iram deorum, quae nulla est, sed ad iustitiam et ad fidem*

римляне понимали *fides* как «исполнение того, что было сказано, обещано», причем то, что было сказано в присутствии богов и людей¹⁰. Встает вопрос, каким образом римлянам удалось на протяжении столь долгого времени сохранять действенность сакрального института клятвы верности в области публичного права? Неужели римские магистраты, как и весь римский народ, удерживались от клятвопреступления лишь религиозно-этическими нормами, в то время как остальной мир часто пренебрегал ими?

Ключ к ответу на эти вопросы содержится в уже упомянутой фразе Ливия, который подчеркивает, что римская *fides* процветала «благодаря непосредственному страху перед законами и наказанием»¹¹. Действительно, Законы XII таблиц говорят о весьма серьезных наказаниях за клятвопреступление. Так, из Цицерона мы узнаем, что за клятвопреступление XII таблиц определили наказание гораздо более суровое, чем за какое бы то ни было другое преступление¹². Какого рода было это более суровое наказание, можно узнать из тех же XII таблиц. Например, несостоятельный должник мог быть казнен или продан в рабство именно за нарушение *fides* клятвенного обязательства¹³. Далее, известна норма, согласно которой лжесвидетель сбрасывался с Тарпейской скалы¹⁴. Случаи применения этой санкции описаны в статье У. Винченти¹⁵. Принимая участие в сакральном ритуале заключения той или иной сделки, свидетели являлись гарантами клятв сторон и их лжесвидетельство было, с точки зрения римлян, равнозначно клятвопреступлению. Именно этим объясняется необычная суровость наказания. Однако в историографии сложилось довольно устойчивое представление о том, что юридически наказанием за клятвопреступление было лишь наложение бесчестья, только несколько сужавшее правоспособность гражданина. Такое представление

pertinet. Nam praeclare Ennius: «O Fides alma apta pinnis et ius iurandum Iovis». Qui ius igitur iurandum violat, is fidem violat, quam in Capitolio vicinam Iovis optimi maximi, ut in Catonis oratione est, maiores nostri esse voluerunt. (Ведь клятва есть основанное на религии утверждение, ибо то, что ты клятвенно пообещал как бы при свидетеле в лице бога, следует соблюдать. Ведь здесь речь идет уже не о гнев божьих, которого нет, но о справедливости и верности. Эний сказал превосходно: «О, с крылами Верность мать и Юпитерова клятва!» Итак, кто нарушает клятву, тот нарушает Верность, которую наши предки пожелали разместить на Капитолии рядом с Юпитером Всеблагим Величайшим, как говорится в речи Катона.)

¹⁰ Cic. Epist. 16. 10. 2; Resp. IV. 4. 7; Aug. serm. 49. 2; 82. 22; De mens. 20. 41; Cassiod. In psalm. 72. 39; Isid. Diff. 1. 486; Orig. 8. 2. 4; Glos. V. 650. 44.

¹¹ Liv. I. 21. 1: *proximo legum ac poenarum metu*... Комментарий к этому тексту Ливия см.: Lombardi L. Op. cit. P. 116–119.

¹² Cic. De off. 3. 31. 111: *Nullum – uinculum ad adstringendam fidem iureiurando maiores artius esse voluerunt, id indicant leges in XII tabulis*.

¹³ XII tab. III. 6 = Gell. XX. 1. 48–52: *Sed eam capitis poenam sancienda, sicut dixi, fidei gratia horificam atrocitatis ostentu novisque terroribus metuendam reddiderunt. Nam si plures forent quibus reus esset iudicatus, secare, si uellent, atque partiri corpus addicti sibi hominis permiserunt. Et quidem uerba ipsa legis dicam, ne existimes invidiam me ipsam forte formidare «TERTIIS NUNDINIS PARTIS SECANTO. SI PLUS MINUS – VE SECUERUNT, SE FRAUDE ESTO».* (Но, как я уже сказал, они ради нерушимости сакральной клятвы ввели эту смертную казнь, ужасающую проявлением небывалой суровости. Ибо в случае, если ответчик был присужден одновременно нескольким кредиторам, (децемвиры) позволили им, если захотят, рубить присужденного им должника на части и делить тело между собой. Я приведу и сам текст закона, дабы ты не счел почему-нибудь, что я из боязни сглаза опасюсь это сделать: «В третий базарный день пусть осужденного рубят на части. Если отсекут больше или меньше, то пусть это не будет вменено им в вину».)

¹⁴ XII tab. VIII. 23 = Gell. XX. 1. 53: *si non illa etiam ex XII tab. de testimoniis falsis poena aboleuisset et si nunc quoque ut antea qui falsum testimonium dixisse conuictus esset, e saxo Tarpeio deiceretur* (...если бы даже известное из XII таблиц наказание за лжесвидетельство не было отменено и если бы и ныне, как прежде, тот, кого уличили в даче лжесвидетельства, сбрасывался с Тарпейской скалы). Vincenti U. *Falsum testimonium dicere* (XII tab. 8. 23) e il processo di Marco Volscio Fittore (Liv. 3. 29. 6) // Idee vecchie e nuove sul diritto criminale romano / A cura di A. Burdese. Padova, 1988. 23 ss.

¹⁵ Vincenti U. *Falsum testimonium dicere* (XII tab. 8. 23) e il processo di Marco Volscio Fittore (Liv. 3. 29. 6) // Idee vecchie e nuove sul diritto criminale romano / A cura di A. Burdese. Padova, 1988. 23 ss.

основано на данных Цицерона, согласно которому «за клятвопреступление да будет божьей карой смерть, человеческой карой – позор»¹⁶. Также Тацит указывает, что бог сам должен покарать преступника¹⁷.

Однако попытаемся разобраться, о каком позоре и о какой божественной каре может идти речь, учитывая к тому же, что мы рассматриваем право Рима V–III вв. до н. э., а не времени творчества Цицерона и Тацита. В XII таблицах есть норма о наказании свидетеля или весовщика за отказ дать свидетельские показания, что почти равнозначно клятвопреступлению¹⁸. Законы предусматривали в таких случаях санкцию INPROBUS INTESTABILISQUE ESTO. Согласно римским юристам эпохи Принципата лицо, подвергнутое этой санкции, лишалось права дачи свидетельских показаний и составления завещания. Практически это означало почти полное лишение гражданских прав, ни одна юридически значимая сделка (например, манципация), заключенная таким лицом, не могла быть признана законной¹⁹. Но значение этой санкции в Законах XII таблиц было качественно иным, о чем свидетельствует Псевдо-Акроний²⁰, согласно которому термином *intestabiles periuri* в XII таблицах обозначались лица, посвященные в жертву тому богу, именем которого они поклялись. Таким образом, данная санкция весьма близка по значению древнейшей сакральной санкции *sacer esto*, о значении которой написано достаточно много²¹. Обычно эту санкцию однозначно связывают с принесением преступника в жертву богам – для древнейшего периода или с безнаказанным убийством его всяким гражданином – в период ранней Республики. В случае ложной клятвы именем Юпитера следовало приносить ему в жертву голову клятвопреступника. Ведь в архаическом Риме достаточно часто использовались клятвы типа «*iuro per caput meum*». Были употребимы и клятвы именем сына. Такого рода клятвы можно найти в «Энеиде Вергилия»²². Объясняя в своем комментарии к «Энеиде» Вергилия значение клятвы Аскания, Сервий подчеркивает, что клятва головой сына издревле была в употреблении у римлян, лишь понтификам было запрещено клясться своими детьми²³. Общее запрещение клясться

¹⁶ Cic. Leg. II. 8. 22: *Periurii poena diuina exitium, humana dedecus esto.*

¹⁷ Tac. Ann. I. 73: *Ius iurandum perinde aestimandum quam si Iovem fefellisset: deorum iniurias dis curae.*

¹⁸ XII tab. 8. 22 = Gell. XV. 13. 11: *Item ex iisdem tabulis id quoque est: QUI SE SIERIT TESTARIER LIBRIPENSVE FUERIT, NI TESTIMONIUM [FAT]IATUR, INPROBUS INTESTABILISQUE ESTO.*

¹⁹ Just. Inst. 2. 10. 6: *nec is, quem leges iubent improbum intestabilemque esse, possunt in numero testium adhiberi.* Cp.: D. 28. 1. 26; Porphyrio ad Hor. Sat. 2. 3. 181: *Antiqui eos, quos in testimonium dimitti nolebant, intestabiles uocabant.* Ulp. D. 28. 1. 18. 1: *intestabilis sit, ergo nec testamentum facere poterit, nec ad testamentum adhiberi.*

²⁰ Pseudoacr. Schol. in Horat. serm. 2. 3. 181: *Intestabilis periuri. Sic dicebantur tamquam sacri, hoc est obnoxii ei numini, per quod iuraverant. Intestabiles appellabantur, quorum testimonium non valebat. Sacer. Execrabilis vel execrandus κατά ἀντίφρασιν et hoc secundum duodecim tabulas. (Неспособные быть свидетелями клятвопреступники. Ведь так назывались посвященные богам, то есть обреченные тому божеству, которым они поклялись. Словом *intestabiles* назывались те, завещание которых не имело силы. Sacer – то есть проклятый или долженствующий быть проклятым на антифрасис, и это согласно XII таблицам.)*

²¹ Albanese B. «Sacer esto» // BIDR. 1988. N 91. P. 145–179; Sabbatucci. Sacer // Studi e materiali di storia delle religioni. 1951–1952. N 23. P. 94 ss.; Santalucia B. Alle origini del processo penale romano // IURA. 1984. N 35. P. 47 ss.; Voci P. Diritto sacrale romano in età arcaica // SDHI. Roma, 1953. XIX. P. 38–103. Garofalo L. Sulla condizione di «homo sacer» in età arcaica // SDHI. 1990. 56. P. 233 ss.

²² Verg. Aen. IX. 298: *Per caput hoc iuro, per quod pater solebat*; 4. 357: *Testor utrum caput.* Cp.: Silius. VIII. 357; Serv. Ad Aen. II. 457; 4. 703: «Sacrum iusso fero» Euripides Alcestin Diti sacratum habuisse crimen dicit, quod poeta transtulit ad Didonem. «Corpore solvo» id est animam tuam, quia ait supra «nexos resolveret artus».

²³ Serv. Ad Aen. IX. 298: «Per quod pater solebat» alii volunt pro «ante». quia absens est Aeneas: sed iurare possumus etiam per absentis filii caput. alii ad causam religionis trahunt, quae praecepit, ut filii imitentur in religionibus rebus suos parentes: ut nunc etsi imitatio sit iusiurandi, ut dicat... «iuro per caput meum», sicut praesens filius per suum caput iurare consueverat... fidem suam confirmare cupiebat. Alii volunt ideo dictum «ante», quia pontificibus per liberos iurare non licebat, sed per deos tantummodo, ut sit «ante» antequam pontifex esset Aeneas. ergo «ante» aut temporis est aut ordinis.

именем своих детей, вероятно, связано с законом Брута 509 г. до н. э., который запретил приносить детей в жертву²⁴. Далее, возможно говорить и о связи с законом Петелия 313 г. до н. э., который заменил *capitis roena* в отношении несостоятельного должника *pexus* на бесчестье (*infamia*) и конфискацию имущества (*proscriptio bonorum*)²⁵.

Итак, первая причина авторитета и долговечности римской *fides* в том, что именно верность обещаниям и клятве, прямое соответствие между словом и делом считалось римлянами главным, «священнейшим правом» как в государственном, так и в частном праве. Во-вторых, целый ряд законов с суровыми санкциями поддерживал институт римской *fides*. Обычной санкцией за нарушение клятвы верности римскими магистратами была смертная казнь. Полибий, в частности, называет именно эту форму наказания для кандидатов в магистраты, уличенных в подкупе избирателей²⁶. К тому же Плиний Младший прямо говорит, что в приносимой в день выборов клятве вновь избранный консул прямо обрекал себя и свой дом на гнев богов в случае сознательного нарушения клятвы²⁷. В архаическом Риме такая форма посвящения означала обречение себя на смерть.

Чтобы лучше понять механизм действия римской *fides magistratus*, необходимо вспомнить некоторые важнейшие элементы ритуала выборов римских магистратов. Прежде всего, всякий кандидат на должность консула, претора или иной курульной магистратуры по римским обычаям в течении трех недель до выборов совершал так называемое *ambitio*, т. е. обход Форума и других публичных мест скопления римских граждан с целью убедить их голосовать за свою кандидатуру²⁸. Причем, согласно Цицерону, кандидату по возможности необходимо было привлечь различными обещаниями всех присутствующих на Форуме граждан²⁹. Цицерон подчеркивает, что каждого гражданина надо было знать по имени³⁰. Главным ритуалом в этом акте *ambitio* или *petitio*

²⁴ *Macr. Sat. I. 7. 34–35*: ...cum ludi per urbem in compitis agitantur, restituti scilicet a Tarquinio Superbo Laribus ac Maniae ex responso Apollinis, quo praeceptum est ut pro caputibus caputibus supplicaretur. Inde aliquamdiu observatum, ut pro familiarum sospitate pueri mactarentur Maniae deae, matri Larum. Quod sacrificii genus Iunius Brutus consul pulso Tarquinio aliter constituit celebrandum. nam caputibus alii et papaveris supplicari iussit ut responso Apollonis satis fieret de nomine caputum remoto scilicet scelere infaustae sacrificiationis: factumque est ut effigies Maniae suspensae pro singulorum foribus periculum, si quod immineret familiis, expiarent...

²⁵ См.: Кофанов Л. Л. Обязательственное право в архаическом Риме (VI–IV вв. до н. э.). М., 1994. С. 179–182.

²⁶ *Polyb. VI. 56. 4*: στήμιον δὲ τοῦτο· παρὰ μὲν Καρχηδονίοις δῶρα φαίνετ' ἰσχυρῶς δίδόντες λαμβάνουσι τὰς ἀρχάς, παρὰ δὲ Ῥωμαίοις θάνατός ἐστι περὶ τοῦτο πρόστιμον. (Вот и доказательство тому: когда у карфагенян для получения должности люди открыто дают взятки, у римлян это самое наказуется смертью.)

²⁷ *Plin. Paneg. Tr. 64. 3*: Quin etiam sedens stanti praeiit ius iurandum, et ille iuravit, expressit explanavitque uerba quibus caput suum domum suam, si scienter fefellisset, deorum irae consecraret. (Мало того, он сидя произносил слова присяги, а император повторял слова выразительно и ясно и обрекал в них себя самого и весь свой дом гневу богов, если он сознательно когда-нибудь нарушит свою присягу.)

²⁸ *Varr. LL. V. 28*: amnis id flumen quod circuit aliquod: nam ab ambitu amnis... ab eo qui populum candidatus circum it, ambit, et qui aliter facit, indagabili ex ambitu causam dicit. *Paul. P. 15 L*: Ambitus... ex quo etiam honoris ambitus dici coeptus est a circumeundo supplicandoque. Ambitio est ipsa actio ambientis.

²⁹ *Cic. Comm. pet. 44*: homines enim non modo promitti sibi, praesertim quod a candidato petant, sed etiam large atque honorifice promitti volunt. (Ведь люди хотят не только обещаний, особенно в том, что они просят от кандидата, но обещаний, даваемых щедро и с почтом для них.)

³⁰ *Cic. Comm. pet. 41–42*: dicendum est de illa altera parte petitionis, quae in populari ratione versatur. Ea desiderat nomenclationem, blanditiam, assiduitatem, benignitatem, rumorem, spem in re publica. (42) Primum [id] quod facis, ut homines noris, significa, ut appareat; et auge, ut quotidiana melius fiat. Nihil mihi tam popolare neque tam gratum videtur. (Следует сказать о другой стороне соискания, заключающейся в приобретении благосклонности народа. Это требует обращения по имени, лести, постоянного внимания, щедрости, распространения слухов, надежд на тебя, как государственного деятеля. (42) Прежде всего сделай явным то, что ты делаешь, свое старание знать людей,

было пожатие рук всех встретившихся римских граждан – *prensatio*³¹. Как известно из Ливия и других источников, священный ритуал пожатия рук был основным и единственным в обязательстве *fides*³². Причем из того же Ливия ясно, что нарушение святости рукожатия еще и в III в. до н. э. считалось страшным преступлением³³. Соответственно, стремясь обрести *fides* римского народа для получения искомой магистратуры, кандидат в магистраты раздавал десятки, если не сотни обещаний будущей помощи. При этом Цицерон предостерегал кандидатов от дачи заведомо неисполнимых обещаний³⁴.

и усиливай и улучшай это с каждым днем. Мне кажется, что ничто так не располагает к себе народа и не приятно ему в такой степени.)

³¹ Cic. Ad Att. I. 1. 1: *Petitionis nostrae... huius modi ratio est... prensat unus P. Galba... Ut opinio est hominum, non aliena rationi nostrae fuit illius haec praepropera prensatio. nam illi ita negant vulgo ut mihi se debere dicant... nos autem initium prensandi facere cogitamus... in campo comitiis tribuniciis a. d. XVI Kal. Sext. (Положение с моим соисканием... таково: домогается должности (т. е. дословно: ходит с протянутой для пожатия рукой) один только Публий Гальба... По общему мнению, слишком поспешное домогательство Гальбы оказалось небезвыгодным для меня, ибо ему обычно отказывают, говоря, что должны голосовать за меня... Я думал начать привлечение голосов на поле во время выборов трибунов... за 15 дней до секстильских календ); Cic. De orat. I. 112: *Equidem cum peterem magistratum, solebam in prensando dimittere a me Scaevolam, cum ita ei dicerem, me velle esse ineptum... (Ведь когда я обхаживал народ, домогаясь должностей, то во время рукожатий всегда просил Сцевола не смотреть на меня...); Plut. Marc. 14. 2: καὶ γὰρ ἕως ἦν τοῖς μετῴδοι τὴν ἀρχὴν παρακαλεῖν καὶ δεξιόσθαι τοὺς πολῖτας, ἐν ἱατίῳ κατὰ τὸν αἶμα εἰς τὴν ἀγορὰν ἄνευ χιτῶνος... (В Риме был обычай, чтобы лица, домогающиеся какой-либо должности, сами останавливали граждан, пожимали им руки и просили содействия, выходя на форум в одной тоге, без туники...); Liv. III. 35. 1–2: *decemuiris creandis in trinum nundinum indicta sunt, tanta exarsit ambitio, ut primores quoque ciuitatis (metu, credo, ne tanti possessio imperii, uacuo ab se relicto loco, haud satis dignis pateret) prensarent homines, honorem summa ope a se impugnatum ab ea plebe, cum qua contenderant, suppliciter petentes; Val. Max. VII. 5. 2: P. autem Scipio Nasica... cum aedilitatem curulem adulescens peteret manumque cuiusdam rustico opere duratam more candidatorum tenacius adprehendisset, ioci gratia interrogauit eum num manibus solitus esset ambulare...***

³² Liv. I. 21. 4–5: *et soli Fidei solemne instituit. ad id sacrum flamines bigis curru arcuato vehi iussit manumque ad digitos usque involuta rem divinam facere, significantes fidem tutandam sedemque eius etiam in dexteris sacramentum esse. (5) Multa alia sacrificia locaque sacris faciendis, quae Argeos pontifices vocant, dedicavit. (Он установил и торжественный обряд самой Верности. Он повелел, чтобы к святилищу Верности жрецы приезжали на крытой колеснице, запряженной парой, и чтобы жертвоприношение совершали рукою, спеленутой до самых пальцев в знак того, что верность должно блюсти и что она свята и остается святыней даже в пожатии рук. (5) Он освятил и многие другие жертвоприношения и места для совершения жертв, которые понтифики называют Аргейскими); Plin. N. H. XI. 250–251: *inest et aliis partibus quaedam religio, sicut in dextera: osculis aversa adpetitur, in fide porrigitur. (Есть и в других частях тела нечто религиозное, как, например, в правой руке: обратной стороной обращается для поцелуев, но (открытой стороной) подается для рукожатия в знак доверия.) Ср.: Cic. Pro Flacc. 103: mea dextera illa, mea fides, mea promissa...; Phil. 11. 5: dexterae, quae fidei testes esse solebant; Verg. Aen. VII. 235: fata per Aeneae iuro dextramque potentem, siue fide seu quis bello est expertus et armis...; Cic. Epist. 7. 5. 3: in manum tuam istam et victoria et fide praestantem.**

³³ Liv. XXIII. 9. 2–5: *'per ego te' inquit, 'fili... precor quaesoque ne ante oculos patris facere et pati omnia infanda uelis. paucae horae sunt intra quas iurantes per quidquid deorum est, dexterae dexteras iungentes, fidem obstrinximus, ut sacratas fide manus, digressi a conloquio, extemplo in eum armaremus? ab hospitali mensa surgis, ...ut eam ipsam mensam cruentares hospitii sanguine? ...sed sit nihil sancti, non fides, non religio, non pietas; audeantur infanda, si non perniciem nobis cum scelere fe'. («Сын мой, – воскликнул он, – ...умоляю тебя, да не видят глаза мои ни твоего ужасного преступления, ни ужасного наказания. (3) Лишь несколько часов прошло, как мы протянули Ганнибалу руки, клянясь всеми богами в верности. И руки, освященные этой клятвой, мы вооружаем против него? (4) Ты встаешь из-за дружественного стола... и этот стол заливаешь кровью хозяина?... (5) Допустим, нет ничего святого, ни верности, ни богобоязненности, ни благочестия, пусть совершаются преступления, только бы это злодейство не принесло гибели и нам...».)*

³⁴ Cic. Comm. pet. 45: *Nam, cum id petitur, quod honeste aut sine detrimento nostro promittere non possumus – quo modo si qui roget, ut contra amicum aliquem causam recipiamus, – belle negandum est... (Когда просят о том, чего мы не можем обещать без ущерба своей чести или без убытка для*

Всякий кандидат на высшие магистратские должности еще перед выборами выступал перед народом с общей программой обещаний римскому народу.

Если народ на комициях избирал данного кандидата, то он тут же приносил клятву верности Юпитеру и другим богам, которую вслед за ним повторял весь римский народ³⁵. Тогда же он, как правило, публиковал так называемый «эдикт», что-то вроде современной предвыборной программы действий магистрата. По крайней мере, хорошо известен так называемый постоянный преторский эдикт, в котором только что избранный претор подробно излагал свои основные принципы в разборе судебных дел³⁶. В республиканский период нечто подобное, несомненно, публиковал и консул, так как по словам того же Цицерона, его прямым долгом было блюсти свою *fides* в соблюдении законов и определении прав³⁷. Затем в течение пяти дней после своего избрания магистрат обязан был присягнуть на верность законам³⁸.

Вступив в должность, магистрат получал от римского народа право представлять перед богами и внешним миром интересы государства и римских граждан. Это было не что иное, как договор между римским народом и магистратом, называвшийся *fides populi* или *fides publica*. Нарушение *fides publica*, ущемляющее интересы народа, обычно не проходило безнаказанно для магистрата. Известны случаи, когда нарушение *fides* магистрата вело к возмущению плебса, как это было во время сецессии 495–494 гг. до н. э. или во время борьбы плебеев за составление законов³⁹.

себя, например, если кто-нибудь попросит взять на себя ведение какого-нибудь судебного дела против друга, то нужно отказывать любезно...)

³⁵ Tac. Ann. I. 7. 3–4: Sex. Pompeius et Sex. Appuleius consules primi in verba Tiberii Caesaris iurare, apudque eos Seius Strabo et C. Turranius, ille praetoriarum cohortium praefectus, hic annonae; mox senatus milesque et populus. (Консулы Секст Помпей и Секст Анпулей первыми принесли присягу на верность Тиберию; они же приняли ее у Сея Страбона, префекта преторианских когорт, и Гая Турания, префекта по снабжению продовольствием; вслед за тем присягнули сенат, войска и народ.)

³⁶ Cic. De fin. II. 74: quid enim mereri velis, iam cum magistratum inieris et in contionem ascenderis (est enim tibi edicendum quae sis observaturus in iure dicendo, et fortasse etiam, si tibi erit visum, aliquid de maioribus tuis et de te ipso dices more maiorum), quid merearis igitur, ut dicas te in eo magistratu omnia voluptatis causa facturum esse, teque nihil fecisse in vita nisi voluptatis causa? (Действительно, что бы ты надеялся получить, вступив в должность, когда ты придешь на собрание граждан, где тебе придется издать эдикт, в котором ты должен указать, каких норм ты будешь придерживаться в судопроизводстве, и может быть даже, если сочтешь нужным, по старинному обычаю скажешь о своих предках и о самом себе; так вот, что бы получил ты, заявив, что при исполнении этой должности будешь делать все для достижения наслаждения и что вообще все, что ты делаешь в жизни, ты делаешь только ради наслаждения?)

³⁷ Cic. De off. I. 124: Est igitur proprium munus magistratus intellegere se gerere personam civitatis debereque eius dignitatem et decus sustinere, servare leges, iura describere, ea fidei suae commissa meminisse. (Итак, прямой долг магистрата – понимать, что он представляет городскую общину и должен поддерживать ее достоинство и честь, соблюдать законы, определять права и помнить, что они поручены его верности.)

³⁸ Liv. XXXI. 50. 7–9: C. Valerius Flaccus, quem praesentem creauerant, quia flamen Dialis erat iurare in leges non poterat; magistratum autem plus quinque dies, nisi qui iurasset in leges, non licebat gerere. (Гай Валерий Флакк, хотя и присутствовал при избрании, не мог принести присягу в верности законам, ибо был фламином Юпитера, вступить же в должность нельзя никому, кто в течение пяти дней после избрания не принес такую присягу), 200 г. до н. э.; Plin. Paneg. 65. In rostris quoque simili religione ipse te legibus subiecisti, legibus, Caesar, quas nemo principi scripsit. Sed tu nihil amplius uis tibi licere quam nobis: sic fit, ut nos tibi plus uelimus. Quod ego nunc primum audio, nunc primum disco; non est princeps super leges sed leges super principem, idemque Caesari consuli quod ceteris non licet. 2. Iurat in leges attendentibus dis nam cui magis quam Caesari attendant?, iurat obseruantibus his quibus idem iurandum est, non ignarus alioqui nemini religiosius quod iurauerit custodiendum, quam cuius maxime interest non peierari. Itaque et abiturus consulatu iurasti te nihil contra leges fecisse. Magnum hoc erat cum promitteres, maius postquam praestitisti.

³⁹ Liv. II. 27. 1: fuis Auruncis, uictor tot intra paucos dies bellis Romanus promissa consulis fidemque senatus exspectabat, cum Appius et insita superbia animo et ut collegae uanam faceret fidem, quam asperissime poterat ius de creditis pecuniis dicere. (Римляне... ожидали исполнения обещания консула,

В день вступления в должность римский магистрат обращался к богам с молитвой-просьбой о процветании римского народа. В *votum nuncupatum* магистрат, как правило, просил о поддержке богами и своей магистратской *fides*⁴⁰. Взамен магистрат давал обет выделить богам определенную часть прибыли, полученной в ходе исполнения им своей должности. Исполнение религиозного обета магистрата контролировал римский сенат. Так как вообще все религиозные институты (например, ауспиции) находились под контролем сената, то он имел возможность привлечь магистрата к ответственности за неисполнение *fides*, данной богам. Опираясь на свое право контролировать религию, сенат мог даже инициировать отстранение магистрата от должности⁴¹.

Таким образом, *fides* магистрата означала не только права, но и определенные обязательства перед народом и богами (читай: сенатом). Неслучайно поэтому в римской публично-правовой фразеологии, особенно у Цицерона, довольно часто встречается выражение *deum atque hominum fides*⁴².

По сложении должности магистрат обязан был дать римскому сенату и народу отчет о своей деятельности. Неисполнение предвыборных обещаний означало нарушение клятвы и привлечение магистрата к судебной ответственности по сложении им полномочий. Причем народ мог инициировать такое судебное разбирательство, просто отка-

подтвержденного сенатом, как вдруг Анний начал сурово править суд о долгах); Liv. III. 19. 1: pace parata, instare tum tribuni patribus, ut P. Ualeri fidem exsoluerent, instare <C.> Claudio, ut collegae deos manes fraude liberaret, agi de lege sineret. (Трибуны стали взывать то к сенаторам, чтобы те выполнили обещанное Публием Валерием, то к (консулу) Гаю Клавдию, чтобы тот избавил манов своего убитого товарища от лжи и дозволил обсуждение закона.) Ср.: Liv. XXVII. 5. 6.

⁴⁰ *Macr. Sat. III. 9, 11: Dis pater Veiovis Manes, sive vos quo alio nomine fas est nominare, ut omnes illam urbem Carthaginem exercitumque quem ego me sentio dicere fuga formidine terrore compleatis quique adversum legiones exercitumque nostrum arma telaque ferent, uti vos eum exercitum eos hostes eosque homines urbes agrosque eorum et qui in his locis regionibusque agris urbibusque habitant abducatis, lumine supero privetis exercitumque hostium urbes agrosque eorum quos me sentio dicere, uti vos eas urbes agrosque capita aetatesque eorum devotas consecratasque habeatis ollis legibus quibus quandoque sunt maxime hostes devoti. eosque ego vicarios pro me fide magistratuque meo pro populo Romano exercitibus legionibusque nostris do devoceo, ut me meamque fidem imperiumque legiones exercitumque nostrum qui in his rebus gerundis sunt bene salvos siritis esse. si haec ita faxitis ut ego sciam sentiam intellegamque, tunc quisquis votum hoc faxit ubiubi faxit recte factum esto ovibus atris tribus. Tellus mater teque Iuppiter obtestor. Varro. LL. VI. 86: nunc primum ponam <de> censoriis tabulis: 'ubi noctu in templum censor[a] auspicaverit atque de caelo nuntium erit, praeconi[s] sic imperato ut viros vocet: quod bonum fortunatum felix salutareque sie[ri]t populo Romano Quiritibus reique publicae populi Romani Quiritium mihihique collegaeque meo, fidei magistratuque nostro, omnes Quirites, pedites armatos privatosque, curatores omnium tribum, si quis pro se sive pro altero rationem dari volet, voca[t] inlicium huc ad me'.*

⁴¹ *Plut. Marcell. 4: οἱ δ' ἐπὶ ταῖς ὑπατικαῖς ψηφοφορίαις παραφυλάττοντες <τοῦς> οἰωνοὺς ἱερεῖς διεβεβαίουντο μοχθηρὰς καὶ δυσόρνηθαις αὐτοῖς γεγονέναι τὰς τῶν ὑπάτων ἀναγορεύσεις. εὐθὺς οὖν ἐπεμψεν ἡ σύγκλητος ἐπὶ στρατόπεδον γράμματα, καλοῦσα καὶ μεταπεμπομένη τοὺς ὑπάτους, ὅπως ἐπανελθόντες ἢ τάχιστα τὴν ἀρχὴν ἀπείπωνται... ὁ δῆμος... ἀναγκάσας ἐξομῶσασθαι τὴν ὑπατείαν μετὰ τοῦ συνάρχοντος. (Жрецы, наблюдавшие во время консульских выборов за полетом птиц, решительно утверждали, что публичное провозглашение новых консулов было неправильным и сопровождалось зловещими предзнаменованиями... Сенат отправил в лагерь письмо, призывающее консулов как можно скорее вернуться и сложить с себя власть... Народ... принудил (Марцелла) вместе с коллегой клятвенно отречься от должности.)*

⁴² *Cic. Verr. I. 2. 25: ... nisi omni tempore quod mihi lege concessum est abusus ero, querere, deum atque hominum fidem implorabis, circumveniri C. Verrem quod accusator nolit tam diu quam diu liceat dicere; Liv. II. 10. 3: ... obsistens obtestansque deum et hominum fidem testabatur nequiquam deserto praesidio eos fugere... Cp.: Liv. VIII. 33. 23; XXXVIII. 33. 7; Liv. III. 45. 9: huic si uis adferetur, ego praesentium Quiritium pro sponsa, Verginius militum pro unica filia, omnes deorum hominumque implorabimus fidem, neque tu istud unquam decretum sine caede nostra referes; Plaut. Curc. 694: pro deum atque hominum fidem, hocine pacto ... me abripi; Teren. Hec. 198: pro deum atque hominum fidem... Cic. Pro S. Rosc. 30: deorumne immortalium, populine Romani, vestramne qui summam potestatem habetis hoc tempore fidem implorem?; Cp.: Liv. XXVIII. 28. 7; Plaut. Epid. 580; Teren. Haut. 61; Cic. Orat. 155; pro Rosc. 23; 50; div. in Caec. 7; Verr. 4. 137; 5. 7; Tusc. 5. 48; Lael. 52.*

завшись при сложении магистратом своих полномочий в ритуале произнесения им клятвы о добросовестности исполнения им своей должности повторять за ним слова его клятвы. Кроме того, от имени народа с обвинениями в нарушении *fides* часто выступали плебейские трибуны. От имени богов с обвинениями в нарушении *fides* выступал сенат по инициативе высших магистратов или жрецов. Клятвопреступление магистрата, как и всякого государственного преступника, как правило, каралось смертной казнью по решению общенародного суда либо, при наличии смягчающих обстоятельств, прощением народа, сопровождавшимся особым актом очищения от религиозной скверны клятвопреступления (*resecratio* – Fest. *Resecrare*, p. 352–353).

Таким образом, римская *fides* в области государственных отношений усиливала ответственность магистратов за данные народу обещания, и здесь дело не столько в религиозной форме *fides magistratus* и в суровости наказания за неисполнение клятвы, сколько в отлаженности механизма контроля народа и сената за тесной взаимосвязью между сказанным и сделанным. Эта отлаженность складывалась веками благодаря не только глубокой проработанности сакральных институтов римского публичного права, но и благодаря многовековой активной борьбе плебса за равноправие. В этом смысле современной государственной системе, где между предвыборными обещаниями и их исполнением часто лежит глубокая пропасть, явно не хватает римского опыта.

L. L. KOFANOV

**IL CARATTERE RELIGIOSO-GIURIDICO
DELLA *FIDES* ROMANA NEI V–III
SEC. A. C.: INTERPRETAZIONE
DI POLIBIO, VI. 56. 6–15**

(RIASSUNTO)

Nel II sec. a. C. lo storico greco Polibio notava che proprio la straordinaria religiosità dei romani aveva trovato il suo fondamento nel sistema statale romano, così come ne erano impregnati gran parte degli istituti giuridici statali e privati. A titolo di esempio Polibio cita l'importanza, per i magistrati romani, del giuramento sacrale ὅρκος πίστεις che corrisponde al latino *iusiurandum fidei*. Polibio sottolinea che se i Greci e gli altri popoli sono abituati alla situazione quando una decina di garanti, una decina di timbri e venti testimoni non danno la garanzia dalle ladreie dei funzionari statali, invece per i magistrati romani sarà sufficiente compiere il giuramento ὅρκος πίστεις e l'obbligo sorgerà e il tesoro, di qualsiasi dimensione, sarà salvato (Polyb. VI. 56. 6–15).

Altri storici greci notano che l'istituto romano della πίστις δημόσια ha mantenuto la sua forza vitale e l'efficacia per molti secoli e anche nella loro epoca era lo strumento più sicuro per il regolamento dei rapporti sia statali, sia privati (Dionys. II. 75. 3). Secondo le fonti antiche, l'origine dell'istituto giuridico-religioso romano della *fides* deve essere collocato cronologicamente alla fine dell'VIII sec. a. C. Proprio da quel periodo, come scrive Livio, «*fides ac ius iurandum... civitatem regerent*» (Liv. I. 21. 1).

Secondo le definizioni romane la *fides* era il fondamento della giustizia ed era chiamata così

perché «deve essere fatto quello che è detto» (Cic. *De off.* I. 23). Cicerone sottolinea il fatto che lo *iusiurandum* è un'affirmatio religiosa. Secondo Cicerone ogni violazione del giuramento nello stesso tempo è la violazione della *fides* (Cic. *De off.* III. 104).

Livio sottolinea che la *fides* romana scaturiva dalla paura immediata delle leggi e delle punizioni (*proximo legum ac poenarum metu* – I. 21. 1). Infatti, le leggi delle XII Tavole avevano fissato punizioni molto severe per lo spergiuro. Di regola era inflitta la pena di morte.

Dunque, la causa principale dell'autorità e della durata temporale della *fides* romana stava proprio nella fedeltà alla promessa e al giuramento: la conformità diretta del «fatto» al «detto» rappresentava per i romani quanto di più sacro vi era nel diritto, fondamentale sia nel diritto pubblico, sia in quello privato. Un'altra causa importante consisteva nel fatto che numerose leggi difendevano la *fides* per mezzo di sanzioni molto severe. Nell'epoca arcaica la pena di morte era una sanzione normale per il magistrato che aveva violato la *fides* e il giuramento. Per esempio, Polibio scrive che tale punizione veniva applicata ad un candidato a magistrato, che avesse commesso atti di corruzione degli elettori (Polyb. VI. 56. 4). Poi, Plinio il Giovane scrive che nel giorno delle elezioni il console eletto nel giuramento destinava se stesso e la sua casa all'ira

delle divinità in caso della violazione del giuramento (Plin. *Paneg. Tr.* 64. 3). Nella Roma arcaica tale destinazione significava votare alla morte.

Per capire meglio il meccanismo del funzionamento della *fides magistratus* è necessario ricordare alcuni elementi della procedura di elezione dei magistrati romani. Prima di tutto, secondo gli usi romani durante tre nundine prima delle elezioni ogni candidato di qualsiasi magistratura curule faceva la cosiddetta *ambitio*, cioè il giro del foro e degli altri luoghi pubblici di riunione dei cittadini romani allo scopo di persuaderli di esprimere i loro voti a suo favore. Secondo Cicerone per il candidato era necessario attirare la più grande quantità possibile di cittadini attraverso l'assunzione di diverse promesse personali (Cic. *comm. pet.* 44). Il rituale principale dell'atto dell'*ambitio* o *petitio* avveniva mediante la stretta di mano con ogni cittadino incontrato al foro, la cosiddetta *prensatio* (Cic. *Ad Att.* I. 1. 1). Il rituale sacro della stretta di mano era il principale e l'unico nell'obbligo puro della *fides* (Liv. I. 21. 4-5). Poi, ogni candidato di regola ancora prima delle elezioni si presentava con un programma di «promesse» rivolto a tutto il popolo.

Se il popolo votava a favore del candidato, egli, immediatamente dopo l'elezione, prestava un giuramento a Giove ed alle altre divinità ed insieme con lui giurava anche tutto il popolo (Tac. *Ann.* I. 7. 3-4). Nello stesso giorno il magistrato eletto di regola pubblicava il cosiddetto *edictum* contenente il suo programma d'attività. È ben conosciuto l'*edictum perpetuum* del pretore, nel quale il pretore appena eletto descriveva dettagliatamente i suoi intendimenti relativi alla procedura giudiziaria (Cic. *De fin.* II. 74).

Assumendo la carica il magistrato riceveva dal popolo romano anche il diritto di rappresentare gli interessi dello Stato e dei cittadini dinanzi alle divinità e al mondo esterno. Questo non era altro che il contratto tra il popolo romano e il magistrato che veniva denominato *fides populi* o *fides publica*. La violazione della *fides publica*, da parte del magistrato che ledeva agli interessi del popolo, comportava la punizione del magistrato stesso. Sono ben noti molteplici casi in cui, tali violazioni della *fides*, causavano le rivolte della plebe.

Nel giorno dell'insediamento il magistrato romano si rivolgeva alle divinità pregando per la prosperità del popolo romano. Nel suo *votum*

nuncupatum il magistrato di regola chiedeva anche l'appoggio delle divinità alla sua *fides*. In cambio il magistrato prometteva alle divinità una certa parte del profitto futuro. L'esecuzione del voto religioso del magistrato era sotto il controllo del senato romano. Poiché tutti gli istituti religiosi (per esempio, gli auspici) erano sotto il controllo del senato, il senato aveva sempre la possibilità di citare in giudizio il magistrato per la violazione della *fides* alle divinità. Il senato, basandosi sul diritto di controllare le questioni religiose, poteva dare inizio anche alla procedura della rimozione del magistrato dalla carica (Plut. *Marcell.* 4).

Pertanto, dalla *fides* del magistrato scaturivano non solo diritti ma anche doveri nei confronti del popolo e delle divinità (in realtà nei confronti del senato).

Dopo la deposizione dalla carica il magistrato era obbligato a rendere conto della sua attività al popolo e al senato (Polyb. VI. 15. 10). L'inadempimento delle promesse elettorali comportava la violazione del giuramento e poteva causare la responsabilità giudiziaria dell'ex magistrato. Lo spergiuro del magistrato si puniva con la morte secondo la decisione del giudizio del popolo. Ma se c'erano delle circostanze attenuanti, lo stesso popolo poteva perdonare lo spergiuro per mezzo dell'atto della purificazione religiosa (Fest. *Resecrare*, P. 352-353).

Dunque, per concludere, possiamo dire che la *fides publica* romana rafforzava la responsabilità dei magistrati in relazione alle promesse assunte nei confronti del popolo durante la campagna elettorale. Ciò derivava non tanto dalla forma religiosa della *fides magistratus* e dalla severità delle punizioni per la violazione della *fides*, ma soprattutto dal perfetto equilibrio del meccanismo di controllo da parte del popolo e del senato nei confronti dello stretto nesso tra la promessa e il fatto. Questo equilibrio si costruì nel corso dei secoli, non solo in seguito allo studio approfondito degli istituti sacrali del diritto pubblico romano da parte dei *patres-senatores*, ma soprattutto grazie alla lotta plurisecolare della plebe per la parità di diritti. In questo senso è evidente che nel sistema politico moderno, dove troppo spesso c'è una distanza enorme tra le promesse elettorali e la loro realizzazione, manca l'esperienza romana.